

— Олег Валерианович, вам не кажется, что большинство наших проблем связано с непониманием, с нежеланием слышать и слушать других, принимать их точку зрения? Все заняты борьбой, разоблачением. Градус вражды, недоверия, страха возрастает, народ охватывает паника перед завтрашним днем.

— Сегодня мы часто слышим слово «апокалипсис», употребляемое только в значении конца света, хотя точный его перевод «откровение». Думаю, что наше время ждет честных ответов на вопросы: кто мы, почему мы такие, какие злые силы внутри каждого из нас позволили довести общество до нынешнего состояния? Только постепенное внутреннее преобразование поможет перейти в качественно иное состояние. Только энергией собственного преобразования мы преодолеем кризис, не дадим обществу опрокинуться полностью. Всем нам предстоит пройти долгий путь очеловечивания. Понять самоценность каждой индивидуальности, ощутить себя во всех и всех в себе. Именно это даст нам возможность понимать друг друга.

Руководствуясь безнравственной формулой: «Все средства хороши для достижения цели», мы попирали великие нравственные законы, на которых стояло и стоит человечество. «Все дозволено!» Не этот ли лозунг вверх в пучину страшного нравственного кризиса наше общество, не он ли породил те явления, которые разлагают страну сегодня?

Разгул преступности, беззастенчивое взяточничество, отсутствие совести... Как удобно многим жить, когда совесть молчит...

— Вот я и спрашиваю, как вы, народный депутат РСФСР, можете помочь в утверждении нравственности? Принять хороший закон?

— Ни один закон не будет работать, если он безнравствен в своей основе. Пример: Закон о земле. Обманули крестьянина, отняли у него землю, под страхом смерти загнали в колхозы. Теперь же, поняв, какую пропасть сами для себя вырыли, начинаем фарисейски сетовать на то, что крестьянин не возьмет землю, что она ему не нужна и т. д. Да вы верните сначала награбленное хозяину... Вот если действительно не возьмет, тогда уж решайте дальше... Не забота о крестьянине, не желание оградить его от эксплуататора двигало руку законодателей, создавших законы о земле, о собственности, а безнравственное желание под видом реформы упредить центральную власть. Вот закон и не работает. Народ не обманешь.

— Но ведь каждая партия, группировка считает, что именно она, ее позиция — истина в последней инстанции.

— Да, есть люди, полагающие, что только им дано право быть надсмотрщиками на государственных «плантациях». Но как только народ, освобожденный от фальшивых идеологических пут, начнет трудиться самостоятельно.

без повиста кнута, в них упадет надобность.

Потому-то они и принимают законы, закрепляющие их права «быть истинной в последней инстанции». Иначе подлинная власть перейдет в руки тружеников.

— Взять-то власть можно, но что с ней делать, если нет навыков в планировании, хозяйствовании... Вот вы, артист, сидите в парламенте. принимаете важные законы, не очень разбираясь в юриспруденции, это не в вашей компетенции.

на себя Третьяковы, Морозовы, Рябушинские. Шукины. Ведь это их миллионы помогли возникнуть великим творениям человеческого духа, которыми мы гордимся до сих пор. Наша же политика — просто месть тем, кто вызывает к лучшему, кто делает человека человеком, кто пишет «Один день Ивана Денисовича», «Жизнь и судьбу», ставит «Живаго» и «Три мешка сорной пшеницы»... Да и не месть, а попытка задушить в зародыше все то, что может пробудить в человеке светлую тягу стать свободным.

ского, — этот человек не до конца полноценный. Он лишен счастья познания самого себя, сочувствия и понимания окружающей действительности. Да суэта и утлая повседневность ограничивают возможность приобщения к прекрасному. Надо создать условия для возникновения подобной возможности. Это государственная задача.

— Но вот писатели получили возможность говорить открыто. И... молчат. Молчат драматурги, объясняя свое состояние пересосислением

дить мимо зарешеченных вагонов с «врагами народа» и кушать мороженое, могли зачитываться «Счастьем» Павленко, «Кавалером Золотой Звезды», то нынешние девятиклассники отворачиваются даже от «Молодой гвардии», так как чувство правды, справедливости у них развито гораздо сильнее, чем у нас в их годы.

— Но ведь в этом были виноваты и наши родители. Они закрывали глаза на происхождение, гнали свои мысли прочь, не делились с нами. Моя мама еще три года назад болясь говорить, что ее отец был незаконно репрессирован, и обижалась на меня, когда я с другими заводила на эту тему разговор. Мы все жили в атмосфере страха, страх, сколь это ни парадоксально, парализует чувство сострадания. Освободившийся человек всегда страдает гораздо больше, чем раб или чем он сам в его вчерашнем рабстве... Как вы чувствовали себя в те годы?

— Моих родителей интересовало нечто значительно более существенное, нежели вопрос: кто будет генсеком. Мама занималась языком пушкинской поры и была всецело поглощена вопросами филологии, отец пытался привить студентам политехникума связи (где был директором) высокие человеческие качества.

Видимо, поэтому и я не был достаточно «политизирован», а всецело был поглощен рисованием и театром. Затем, уже в моей «взрослой жизни», мне необычайно повезло — я тридцать лет работал с Георгием Александровичем Товстоноговым в Ленинградском Большом драматическом театре. Товстоногов никогда громко не заявлял о своих политических симпатиях, но каждая его репетиция, каждый спектакль — это были попытки прорыва к правде человеческих отношений. Иногда на этом пути мы одерживали победу. Именно в Большом драматическом театре я отчетливо понял, что подлинным художником может быть только человек, живущий одной болью, одной радостью со своим народом, остро чувствующий нужды его и чаяния. Мало того, в художнике должен ярко звучать категорический императив: что можно, а что нельзя, что хорошо, а что плохо.

Товстоногов создал в своем роде уникальный театр, театр-семью, театр единомышленников. Наш театр продолжал в этом смысле традиции таких коллективов, как МХАТ, Малый, театр Мейерхольда...

Новое время с рынком может разрушить такого рода традиции театра-семьи. Ведь выгоднее, удобнее и прибыльнее сходить на одну постановку, играть ее и разбегаться по своим норам, зарабатывать деньги. Это чистой воды ремесло, с которым всю свою светлую жизнь боролся К. С. Станиславский. Коммерциализация, рынок могут погубить русский театр. В лучшем случае эта традиция может быть заменена бродвейской системой театрального чистогана. Все это чудно русскому театру. В былые времена театр поддерживали богачи. Теперь их нет, теперь это обязанность государства.

Вела беседу
 Л. ЛЕБЕДИНА.

НЕ СОТВОРИ В СЕБЕ РАБА

Точно так же депутаты от других отраслей, а их большинство, не разбираются в искусстве, и им нет никакого дела до налогообложения в культуре.

И что же нужно сделать, чтобы, например, помочь театру выжить в условиях рыночной экономики?

— На мой взгляд, в рабочих органах Верховного Совета Российской Федерации много компетентных, талантливых людей, молодых, энергичных. И руководствуются они прежде всего желанием наделить каждого гражданина республики человеческими правами.

Я беспартийный. Естественно, действую в гой области, которая мне близка, — в области культуры. Могу одно сказать: закон о налогообложении направлен на скорое, полнейшее уничтожение того тонкого культурного слоя, который, несмотря на все усилия системы, все-таки сохранился благодаря фанатикам, неистово любящим свое дело. Тут ход мысли законодателей таков: ах, ты не можешь жить без своего творчества, бесплатно готов работать — ну и работай бесплатно, куда ты денешься! Есть логика? Есть! Но логика безнравственного и к тому же безумного человека, рубящего сук, на котором сидит.

Ведь что такое культура во всем ее многообразии? Это тот воздух, тот невидимый глазу озоновый слой, защищающий человечество от зла, не дающий задохнуться в мощной радиации ненависти, стяжательства, равнодушия и безучастия. Стоит разрушить этот слой — народ перестанет существовать.

Я надеюсь, что будет принят закон о культуре, закон, утверждающий государственную ценность и незыблемость таких понятий, как духовность и нравственность, понятий, на страже которых стоит растаптываемая ныне культура. Я надеюсь, что государство опомнится наконец и возьмет на себя ту миссию, которую некогда брали

Вот ЦК КПСС обращается с призывом «изыскать дополнительные источники финансирования культуры». К кому обращается? К местным Советам. Это к местным Советам-то, у которых нет денег даже на покупку старого унитаз... Чтобы вернуться в русло цивилизации, нам не просто дотации нужны — а удешевленные вложения в культуру. Необходимо взрыхлить почву, на которой потом появятся Левитаны и Чеховы, Чайковские и Шаляпины.

— И так, вы в очередной раз убедились, что спасение культуры зависит от государства. Но ведь нельзя снимать ответственность с самого театра, его художников, которые, вместо того чтобы возродить утраченную духовность, наперегонки бросились ставить то, что наиболее соответствует спросу: про Сталина и свалки... О каком театральном возрождении можно мечтать, если представители Мельпомены так увлеклись потоком «черного» реализма?

— Рынок и искусство — несовместимые понятия. Рынок губителен для подлинного искусства. В свое время он порождает настенных лебедей, теперь ту пелю, о которой вы говорите. Но я прекрасно понимаю, что переход к рынку — объективно необходимо. Без этого мы погибнем. Следовательно — необходима система чрезвычайных мер, защищающих подлинные ценности и их творцов.

— А вы никогда не задавали себе такой крамольный вопрос: может быть, Чеховы сегодня никому и не нужны? Ведь утрачены прежние идеалы красоты, гармония разъята... Все слышат, все стремятся получить хоть малую толику наслаждений, не затрачивая при этом внутренней духовной энергии.

— Убежден, что человек, в душе которого не отзывается что-то глубоко личное при чтении Чехова, Толстого, Достоев-

действительности. В то время как театр спазматически ищет пьесы современных авторов. Это вас не настораживает?

— Писатели молчат? У меня весь дом завален книгами, журналами... Я просто не успеваю все прочесть — как много хорошего: от Пещуха до Ямпольского. Нет, не молчат писатели... Вообще-то, переосмысление действительности — процесс длительный, гут горючить не надо. Хочется надеяться, что этот процесс переосмысления приведет когда-нибудь к появлению великих произведений. И за эту надежду, за это ожидание общество должно платить.

— Может быть, такая длительность молчания объясняется тем, что в прежний период писатели внутренне были более свободны, так как голос совести был для них главным. А теперь он молчит: все разрешено и уже как бы не с чем бороться...

— Изменились условия, изменились и требования к искусству. Раньше, даже в серых произведениях, когда мы находили хотя бы намек на правду за это прощали остальные грехи. Теперь же правда звучит повсюду. Возникают новые требования высокой художественной правды, правды обобщения. Вопрос о свободе — вопрос особый! Внутренняя свобода — величайшее и редкое счастье. Вспомните — Чехов по капле выдавливал из себя раба. Думаю, наше время дает больше возможности для самоусовершенствования, чем десятилетия назад. У поколения, идущего вслед за нами, более обостренное чувство чести. Если мы в свое время могли равнодушно прохо-